

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-15-34>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 23.09.2024
Принята к публикации: 18.11.2024

Михаил Борисович ЛОБОВ

Конституционный Суд Российской Федерации

Сенатская площадь, д. 1, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация

m.b.lobov@mail.ru

ORCID: 0009-0006-5380-3028

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ: УРОКИ ВЫХОДА ГОСУДАРСТВ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВВЕДЕНИЕ. Европейский интеграционный проект, долгое время считавшийся выдающимся образцом восстановления прочного мира на континенте и залогом его процветания, все больше сталкивается с экзистенциальными рисками. Прецеденты выхода государств из европейских региональных организаций – Европейского союза (далее – ЕС, Евросоюз) и Совета Европы – заставляют критически переосмыслить их опыт и перспективы дальнейшего существования. Указанные события, при всей их уникальности, каждое по-своему пошатнули привычную архитектуру общеевропейского сотрудничества и заставили обратиться к углубленному изучению политических и правовых моделей выхода государств из европейских региональных организаций.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При проведении исследования использован обширный массив международных и национальных норм, а также судебной практики, оформивших выход Великобритании из Евросоюза. Анализ проведен с использованием источников, связанных с длительным переговорным процессом, а также сопутствующих политико-правовых процессов в самой Великобритании. Привлечены публикации в средствах массовой информации, официальные выступления и заявления выдающихся правоведов и политиков. Исследование основано

на углубленном изучении научной доктрины и практики, включая комментарии непосредственных участников ключевых событий. Помимо традиционных методов юридического анализа, при написании работы использовались исторический и диалектический подходы с целью сочетать исследование формально-юридической стороны дезинтеграционных процессов с их системным видением как взаимосвязанных элементов более общей динамики международного права и международных отношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На примере Брекзита проанализированы правовые аспекты дезинтеграции, как сложного процесса размежевания государства с высоко организованным наднациональным союзом. С одной стороны, рассмотрено международно-правовое измерение дезинтеграционного процесса через денонсацию уставных международно-правовых актов и заключение новых договоров с целью «мягкого выхода», обеспечивающего поступательную трансформацию внутрисоюзных отношений в новые форматы, как с разрывом множества связей, так и с сохранением некоторых из них. С другой стороны, исследовано оформление процесса дезинтеграции и преодоление его последствий в национальном правовом порядке. Поступательное преобразование укорененных в британском праве элементов европейского правового порядка

требует принятия тысяч нормативных актов, не говоря уже о пересмотре еще большего количества исходящих от ЕС правовых позиций в национальной судебной практике.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Геополитические сдвиги в Европе и мире в сочетании с беспрецедентной деградацией политической и экономической ситуации внутри самого Евросоюза ставят под сомнение не только его дальнейшее лидерство, но даже его способность сохранить в современном виде. Таким образом, сложившийся международный контекст заставляет взглянуть на опыт Брекзита в сравнительной перспективе и рассматривать его как весьма изолированную, хотя и далеко не единственную, правовую модель выхода из регионального интеграционного проекта. Несмотря на знаменательные различия между выходом Великобритании из ЕС и выходом России из Совета Европы, последний из которых заслуживает отдельного

изучения, просматриваются и некоторые параллели между двумя событиями, как в плане их оформления в международном и внутреннем праве, так и в плане их значения для дальнейшей дезинтеграции на европейском пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский союз, Совет Европы, европейская интеграция, европейское право, денонсация, дезинтеграция, Брекзит

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лобов М.Б. 2024. Правовые аспекты дезинтеграции: уроки выхода государств из европейских региональных организаций. – Московский журнал международного права. № 4. С. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-15-34>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-15-34>

Research article

UDC: 341

Received 23 September 2024

Approved 18 November 2024

Mikhail B. LOBOV

Constitutional Court of the Russian Federation

1, Senatskaya Sq., Saint Petersburg, Russian Federation, 190000

m.b.lobov@mail.ru

ORCID: 0009-0006-5380-3028

LEGAL ASPECTS OF DESINTEGRATION: LESSONS OF STATES' WITHDRAWALS FROM EUROPEAN REGIONAL ORGANISATIONS

INTRODUCTION. Viewed for a long time as an outstanding example of restoring durable peace on the continent and a major precondition for its prosperity, the European integration project is increasingly running existential risks. The precedents of States' withdrawals from the main European regional organisations – the European Union and the Council of Europe – command a critical review of both their experience and the perspectives for their continuing

existence. While the aforementioned events were unique in nature, they have shaken in their own ways the long-established architecture of Pan-European co-operation and prompted in-depth studies of political and legal models of States' withdrawals from European regional organisations.

MATERIALS AND METHODS. The study is based on a broad ensemble of international and national norms and case-law that have shaped the Great

Britain's exit from the European Union. The analysis has been nurtured by an array of sources connected with the long negotiation process and the parallel legal and political processes within the UK. Mass media publications have been used along with official speeches and statements by high-level lawyers and politicians. The research also benefits from an in-depth study of the doctrine and practice, including the commentaries by direct actors of the pivotal events. Beyond the traditional methods of legal analysis the author has used historic and dialectic approach with a view to combining the study of the formal legal sense of the desintegration processes with their systemic understanding as interconnected elements within the broader dynamics of international law and international relations.

RESEARCH RESULTS. *The study has analysed through the prism of Brexit the legal aspects of desintegration as a complex process of the State's desengaging from a highly organised supranational union. On the one hand, the article reviews the international-law dimension of the desintegration process through the denunciation of the statutory treaties and the conclusion of new ones with a view to a «soft exit», thus ensuring a progressive transformation of the intra-union relations into new formats, cutting off multiple connections, while preserving some others. On the other hand, the article explores the way the desintegration is framed and its consequences managed in national law. The progressive transformation of the nationally rooted elements of the European legal order requires thousands of new legal acts, let alone the review of a*

more voluminous body of the EU-related case-law through national judicial decisions.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The geopolitical shifts in Europe and the world, allied with the unprecedented deterioration of the political and economic situation within the European Union itself, raise doubts at both its continued leadership and even its capacity to survive in its present format. The current international context therefore commands a review of the Brexit experience in a comparative perspective, taking it as a highly sophisticated legal model, albeit not the only one, of withdrawal from the regional integration project. While the United Kingdom's withdrawal from the EU presents notable differences with Russia's withdrawal from the Council of Europe, which deserves a separate study, certain parallels have been identified between the two phenomena both in terms of their framing in international and national law and in terms of their significance for further desintegration on the European arena.*

KEYWORDS: *European integration, European Union, Council of Europe, European law, denunciation, desintegration, Brexit*

FOR CITATION: Lobov M.B. Legal Aspects of Disintegration: Lessons of States' Withdrawals from European Regional Organizations. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 4. P. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-15-34>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение: взлет и падение общеευропейского проекта

Основанный державами-победителями во Второй мировой войне новый международный порядок создал беспрецедентные предпосылки для деятельности региональных организаций с целью более тесного сотрудничества государств вплоть до их интеграции в политическом, экономическом, социальном, военном, культурном и иных измерениях. История человечества еще не знала такого расцвета разноплановых интеграционных институтов во всех частях света. Растерзанная самой разрушительной в истории войной Европа раньше других континентов встала перед

выбором организационных форм примирения воевавших между собою стран и обеспечения их послевоенного восстановления, взаимодействия и коллективной безопасности. Разделение же континента по идеологическому критерию на социалистический «восток» и капиталистический «запад» во многом предопределило как состав послевоенных региональных организаций, так и их институционные формы.

Через месяц после Фултонской речи У. Черчилля (5 марта 1949 г.) на западе континента образуется военный блок НАТО (4 апреля 1949 г.), а еще через месяц Совет Европы (5 мая 1949 г.). Компетенция последнего, ставшего сначала предтечей, а в дальнейшем и важнейшим правовым компонентом европейской интеграции,

состояла в организации сотрудничества во всевозможных областях¹, кроме вопросов обороны, работу над которыми предполагалось вести в отдельном формате². Годом ранее уже была создана Организация европейского экономического сотрудничества (16 апреля 1948 г.) для координации Программы восстановления Европы, более известной как план Маршалла, участие в котором США обусловили выведением коммунистов из правительств вовлеченных в него стран. Последовавшее создание основными западноевропейскими странами Европейского объединения угля и стали (18 апреля 1951 г.), как решающего шага на пути к более тесной экономической интеграции, дополнило главные несущие элементы западноевропейской региональной интеграционной архитектуры. Последняя до начала 90-х годов XX в. успешно конкурировала с региональными объединениями социалистического лагеря на востоке Европы в виде Совета экономической взаимопомощи (с 25 января 1949 г.) и Организации Варшавского договора (с 14 мая 1955 г.), ставшей вынужденным ответом соцлагеря на создание НАТО и первые две волны его расширения до Греции и Турции в 1952 и Западной Германии в 1955 гг.

Падение Берлинской стены и последовавший за ним роспуск Организации Варшавского договора, а также распад СССР дали Европе редкий исторический шанс преодоления былой идеологической конфронтации через выстраивание новой, подлинно общеевропейской архитектуры сотрудничества и безопасности, а уверенный политический курс России на стратегическое партнерство со «стабильной, процветающей и единой Европой»³ создавал для этого, казалось бы, идеальные условия. Вместо негативной – и к тому же относительной – стабильности

времен холодной войны требовалась стабильность позитивная, основанная на коллективном взаимодействии⁴.

Став для России приоритетным почти на четверть века постсоветской истории, общеевропейское сотрудничество развивалось в рамках новой региональной архитектуры, адаптированной под совместное решение общих задач. Это и превращение в подлинно общеевропейские организации Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ), причем последняя с потенциалом расширения взаимодействия не только в панъевропейском измерении от Владивостока до Лиссабона, но и в гораздо более широком евроатлантическом измерении от Владивостока до Ванкувера. Это и создание прочных каналов для интенсивного комплексного взаимодействия России с Евросоюзом в двустороннем формате с потенциалом его расширения до таких смелых проектов, как «интеграция интеграций», направленных на взаимодействие между интеграционными процессами в Европе и Евразии [Интеграционные процессы ... 2017:7-8, 11-12, 18-22]. Это и, до определенной поры, более или менее успешное взаимодействие по линии Россия – НАТО.

Решение «европейского вопроса», обозначенного идеологом панъевропейского движения начала XX в. Рихардом Куденхове-Калерги корнем всех бед Старого Света⁵, в любом случае подразумевало обеспечение коллективной и неделимой безопасности континента. Однако ни в ОБСЕ, ни в каких-либо других общеевропейских форматах принцип неделимости безопасности, провозглашенный в Евро-Атлантике в 90-е годы XX в. на высшем уровне, международно-правового закрепления так и не получил⁶. Все иные общеевропейские и даже евроатлантические процессы

¹ Целью Совета Европы провозглашалось «достижение большего единства между его членами» и «содействие их экономическому и социальному прогрессу... посредством рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, заключения соглашений и проведения совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, правовой и административной областях, равно как и путем поддержания и дальнейшего осуществления прав человека и основных свобод» (ст. 1 Устава).

² Начало такому формату было положено предвосхитившим НАТО Брюссельским пактом (17 марта 1948 г.), что впоследствии нашло свое продолжение в Западноевропейском союзе (24 октября 1954 г.), просуществовавшем параллельно с НАТО до 2012 г.

³ V. Poutine Vive le dialogue Europe-Russie! – *Le Monde*. 28 mars 2007. P. 21.

⁴ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на весенней 61-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы. Страсбург. 29 апреля 2010 г. – *Министерство иностранных дел Российской Федерации*: [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1700197/ (дата обращения: 10.11.2024).

⁵ «У нашего континента две большие проблемы: социальный вопрос и европейский вопрос; классовая борьба и война между европейскими государствами» [Coudenhove-Kalergi 2019:12].

⁶ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на весенней 61-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы. Страсбург. 29 апреля 2010 г.

сотрудничества, которые выстраивались в ОБСЕ и в Совете Европы, как в основных несущих структурах общеевропейской региональной архитектуры, несмотря на их многочисленные достижения в разнообразных областях, не могли сами по себе гарантировать проекту Большой Европы ожидаемого успеха в долгосрочной перспективе. Достижения в области так называемой мягкой безопасности, связанной с безопасностью личности и правами человека, на которую был нацелен Совет Европы, равно как яркие успехи в других измерениях общеевропейского взаимодействия, не могли устоять без создания общерегиональной системы коллективной безопасности, иными словами, «жесткой безопасности», равной для всех, неделимой и обеспеченной, как и «мягкая безопасность» необходимыми юридическими гарантиями. Увы, данной сверхзадаче не суждено было исполниться, а идея подлинной независимости Пан-Европы как самостоятельного мирового субъекта выглядит сегодня столь же далекой от реальности, как и сто лет назад, когда в промежутке между двумя мировыми войнами Куденхове-Калерги впервые обнародовал свой одноименный манифест⁷.

Ретроспективный взгляд на историю последних лет однозначно свидетельствует о том, что указанные неудачи отнюдь не были результатом случайного стечения обстоятельств. События 2008 г. в Грузии и тем более 2014 г. на Украине окончательно проявили несовместимый с общеевропейским проектом курс доминирующих в Европе политических элит, предприняв дальнейшую конфронтацию с Россией с последующим переходом ее в горячую стадию несколько лет спустя. Демонтаж общеевропейского проекта и безвозвратная мутация его несущих организационных структур – Совета Европы и ОБСЕ, – достигшая своей кульминации вместе с событиями 2022 г. на Украине, а также серьезные вызовы, с которыми столкнулся в результате этого и сам Евросоюз, заставляют задуматься о дальнейших перспективах европейских

интеграционных процессов и уделить внимание обратным, дезинтеграционным тенденциям на континенте [Галушко 2020:71-77].

2. Единая Европа: экзистенциальные риски

Согласно известному изречению одного из архитекторов европейской интеграции Жана Моннэ, «Европа будет создаваться в кризисах и станет суммой решений, принятых в ответ на эти кризисы» [Monnet 1976:488]. Действительно, послевоенная европейская интеграционная модель не раз доказывала свою способность выносить уроки из пройденных испытаний, явив миру, без сомнения, один из самых успешных региональных проектов в истории, который до недавнего времени представляется многим не иначе как «европейским чудом», выразившемся в созданном Советом Европы в 1955 г. «флаге Европы» с двенадцатью золотыми звездами на синем фоне – символом полноты и совершенства. Оставляя за кадром сложный разбор причин достижений и неудач европейского интеграционного проекта, ограничимся констатацией того, что он долгое время не без успеха балансировал между необходимостью обеспечения Европой своей субъектности путем выстраивания самостоятельных взвешенных отношений с ее двумя ключевыми геополитическими партнерами – СССР (позднее Россией) и США, – и непреодолимой в силу итогов Второй мировой войны политической, экономической, финансовой и военной привязкой Западной Европы к евроатлантическому взаимодействию.

Противостояние модели «Европы наций» (Europe des nations) Шарля де Голля, основанной на приоритете франко-германского союза над евроатлантической солидарностью и скрепленной эпохальным Елисейским договором о франко-германской дружбе от 22 января 1963 г., с одной стороны, и глобалистской евроатлантической модели наднационального союза Жана Моннэ – с другой, еще до окончания холодной войны

⁷ Необходимость подлинно независимой Европы обосновывалась мыслителем следующим образом: «Ни Восток, ни Запад не хотят спасти Европу: Россия хочет ее захватить, Америка хочет ее купить. Между Сциллой военной диктатуры и Харибдой американской финансовой диктатуры есть только один узкий путь к лучшему будущему. Это – Пан-Европа..., создание Европой политико-экономического союза». При этом важнейшей гарантией успеха европейского проекта автору представлялась «широкое взаимопонимание» с Россией на основе «экономических интересов» и «без политических предрассудков»: «Европа может избежать экономической катастрофы, в которую ее ввергла война, только в случае экономического сотрудничества с Россией и участия в ее реконструкции. И Россия, и Европа нуждаются друг в друге, чтобы сообща возродиться» [Coudenhove-Kalergi 2019:13, 65].

завершилось в пользу последней с последовательным «растворением» в Евросоюзе составляющих его государств [Onfray 2020:253-267]. Неожиданный всплеск подлинно суверенных действий во внешней политике Франции и Германии с созданием оси Париж – Берлин – Москва на фоне противостояния противоправному вторжению США и Великобритании в Ирак в 2003 г. не изменили общего вектора развития, который складывался не в пользу независимой и сильной Европы, как самостоятельного мирового игрока. Последовавшее же расширение Евросоюза до восточноевропейских стран, почти повсеместно управляемых новыми проамериканскими элитами, на практике привело к окончательному укоренению безальтернативной евроатлантической зависимости объединенной Европы.

С одной стороны, ЕС и сегодня еще продолжает сохранять видимость геополитического влияния и даже декларировать свое относительное сплочение и единство перед лицом того, что сами его лидеры охарактеризовали как «тектонический сдвиг в европейской истории» и «новую реальность»⁸. Инерция его экономического потенциала в сочетании с пока еще действенными рычагами финансового регулирования и даже принуждения [Энтин, Биткина 2024:75-76] позволяет ему оставаться на плаву, несмотря на стремительное падение его макроэкономических показателей. Не приводит к быстрой дестабилизации ЕС и неуклонное падение уровня жизни населения его стран-членов, что тоже объяснимо высокой инерционностью указанных процессов и использованием европейскими правительствами пока еще доступных компенсаторных механизмов.

С другой стороны, былая привлекательность Евросоюза и перспективность его интеграционной модели, равно как и его способность

поддерживать свое лидерство в быстро меняющемся мире, вызывают все большие сомнения как внутри самого блока, так и у третьих стран. Так, в актуальном и неожиданно откровенном докладе о будущей конкурентоспособности Евросоюза, обнародованном 9 сентября 2024 г. бывшим председателем Европейского Центрального Банка Марио Драги по запросу Еврокомиссии, вырисовывается весьма мрачный прогноз уже на ближайшее будущее. Согласно приведенным в докладе данным, ЕС рискует и вовсе не оправиться от текущего глубокого кризиса, обусловленного потерей главных экономических основ его былого процветания. Среди них автор особо выделяет скоропостижный и крайне болезненный разрыв экономических связей с Россией (которые, следует добавить, способствовали экономическому развитию Евросоюза даже в период мирного сосуществования и конкуренции противоборствующих систем времен холодной войны). Среди других существенных причин упадка европейской экономики фигурируют также необходимость увеличения некогда минимальных трат на оборону (прекращение так называемых дивидендов от мира) и потеря доходов от выгодного экспорта высокотехнологичных товаров, производство которых ныне перемещено за пределы ЕС. «Еще никогда в прошлом масштаб наших стран не казался столь маленьким и несоразмерным по отношению к величине вызовов», – заключает докладчик⁹.

Многочисленные проблемы Евросоюза не ограничиваются, впрочем, неуклонным падением его экономики. Проблематичны и его текущая ультралиберальная идеологическая повестка, плохо рифмующаяся с его подлинным «культурным, религиозным и гуманистическим наследием»¹⁰, и неумолимое падение авторитета его лидеров на фоне системного разрушения

⁸ Versailles Declaration of the Heads of State or Government of the European Union. 11 March 2022. P. 3. § 8. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (accessed date: 10.11.2024).

⁹ The future of European competitiveness. Part A. A competitiveness strategy for Europe. September 2024. P. 1-5. URL: https://commission.europa.eu/document/download/97e481fd-2dc3-412d-be4c-f152a8232961_en?filename=The%20future%20of%20European%20competitiveness%20_%20A%20competitiveness%20strategy%20for%20Europe.pdf (accessed date: 10.11.2024).

¹⁰ Компромиссная формулировка второго абзаца Преамбулы Договора о Европейском Союзе была заимствована из проекта не состоявшейся конституции для Европы, разработанной конвентом под руководством Валери Жискар д'Эстена, который был отмечен, среди прочего, острыми дебатами об уместности упоминания христианских традиций, лежащих в основе европейского проекта. Les "racines chrétiennes" dans la Constitution européenne? L'Express. 14 juin 2004. URL: https://www.lexpress.fr/monde/europe/les-racines-chretiennes-dans-la-constitution-europeenne_489343.html (accessed date: 10.11.2024); L'Europe a-t-elle renoncé à ses racines chrétiennes? – La Croix. 18 avril 2024. URL: <https://www.la-croix.com/religion/l-europe-a-t-elle-renonce-a-ses-racines-chretiennes-20240418> (accessed date: 10.11.2024).

внутриполитического поля с деградацией традиционных политических партий, и необратимые миграционные тенденции, стремительно меняющие привычный облик континента. Все происходящее не просто вызывает «европессимизм» в отношении будущего, но все больше грозит повторением наиболее печальных событий европейской истории.

«Множественность, не восходящая в единство, есть беспорядок; единство, не зависящее от множественности, есть тирания» [Pensées ... 1823:255]. Этой мыслью Паскаля¹¹ проиллюстрировал моральную проблему Европы на старте послевоенных интеграционных процессов самый молодой евродепутат первой сессии Консультативной Ассамблеи Совета Европы (10 августа 1949 г.), избранный от вновь отошедшего к Франции Эльзаса, Альбер Эм. Вспоминая о многообразных идеях объединения континента [Ковлер 2016:24-50] в трудах герцога Сюлли и аббата де Сен-Пьера, философов Руссо и Канта, политиков Наполеона и Бриана, едва отошедшие от ужасов войны европейцы недоумевали, почему им понадобилось пройти через «Европу Адольфа Гитлера» прежде чем всерьез связать проект единой Европы с гарантией прочного мира, – вопроса, который по итогам Второй мировой войны зависел уже не столько от самой Европы, сколько от отношений двух супердержав-победителей¹². Выстраданное горьким опытом адекватное понимание неразрывной связи между мирным процветанием Европы и необходимостью геополитического равновесия на континенте как гарантии его безопасности живо присутствовало в умах европейских политиков того времени¹³.

Воспитанные в изменившихся условиях полвека спустя современные европейские лидеры, увы, уходят все дальше от понимания этих многократно подтвержденных истин. Доминирование *homo atlanticus* в современной

европейской политике [Обичкина 2020:12], поставивших судьбу большей части континента в полную зависимость от заокеанских сил вкупе с разрушением всего спектра отношений с Россией, ставит европейский интеграционный проект в радикально иные условия, чем те, что до недавнего времени обеспечивали его процветание. Неуклонный же закат *rex americana* в его современном виде, в пользу которого Евросоюз, как и его государства-члены, фактически пожертвовал своей субъектностью на мировой арене, грозит ему тупиком, из которого пока не просматривается очевидного выхода.

Проблемы Евросоюза логично приводят к беспрецедентному падению доверия к его непомерно разросшимся институтам, отрыв которых от реальности «на земле» скорее напоминает состояние «не зависящего от множества единства», которое Паскаль отождествлял с тиранией, чем голлистскую модель «Аристотелевой Европы, построенной на единстве в разнообразии» [Onfray 2020:256]. Беспрецедентный в истории ЕС «евроскептицизм» среди самих европейцев, продемонстрированный выборами 2024 г. в Европарламент с последующими национальными выборами во Франции и земельными выборами в Германии говорит сам за себя, а политический калибр вновь назначенного руководства ЕС даже малых надежд на принятие действенных антикризисных решений не вселяет. Безапелляционный же результат американских выборов ноября 2024 г. и грядущий приход к власти в США новой республиканской администрации, поддерживаемой большинством Конгресса, плачевные перспективы ультралиберального Евросоюза лишь усугубляет.

Все это вряд ли предвещает некогда успешным европейским интеграционным процессам дальнейшее процветание, а напротив, делает вероятным если не коллапс, то как минимум

¹¹ Мысль философа высказана в контексте спора между папистами и гугенотами: первых Паскаль критиковал за исключение множества в их стремлении к признанию непогрешимости Папы, вторых – за исключение единства в их отрицании католической церкви.

¹² «Было бы иллюзией не видеть того, что судьба Европы зависит большей частью от диалога между Америкой и Россией... Руководство миром перешло в другие руки. Мы не можем рассматривать настоящее и будущее через призму европейских воспоминаний о славном прошлом». Discours d'Albert Ehm prononcé à la réunion de l'Assemblée consultative du Conseil de l'Europe. 10 août 1949.

¹³ Одним из главных рисков для будущей Европы де Голль видел потерю европейской идентичности с приходом заокеанского капитализма, равно как и советского большевизма [Onfray 2020:256]. Говоря о необходимости независимой модели объединения Европы на основе подлинных европейских ценностей, Альбер Эм говорил: «Остановиться на компромиссе между политикой доллара и политикой советизации значило бы обречь Европу на рабство и войну». Discours d'Albert Ehm prononcé à la réunion de l'Assemblée consultative du Conseil de l'Europe. 10 août 1949.

развитие на континенте центробежных и дезинтеграционных тенденций. Последние все чаще становятся предметом обсуждения среди политиков и экспертов, а недавний опыт выхода Великобритании из ЕС вызывает тем более живой интерес.

3. Выход Великобритании из ЕС: исключение или прецедент?

Очевидно, что особое положение этого государства по отношению к континентальной Европе, обусловленное географическими, историческими и геополитическими причинами, равно как и обстоятельства его присоединения к блоку в 1972 г. и выхода из него в 2020 г., делает Брекзит не вполне репрезентативным явлением. Уникальным является и то, что государство впервые покинуло наиболее интегрированный в мире блок после более чем 40 лет полноценного членства. Вместе с тем беспрецедентный характер вызовов и угроз, с которыми столкнулся Евросоюз, не позволяет исключить, что мы не увидим аналогов или вариаций Брекзита в обозримом будущем. Показательно, что аббревиатура Brexit уже получила хождение, иногда на самом высоком уровне, в приложении к другим странам ЕС (Frexit, Nexit, Polexit и т. п.)¹⁴.

Прогрессирующий кризис (по некоторым оценкам – уже «паралич»¹⁵) Евросоюза и недовольство им со стороны его членов логичным образом приведет государства к тому, чтобы решать свои проблемы самостоятельно, без оглядки на Брюссель, как только это станет политически возможно и экономически выгодно. В упомянутом докладе Драги и вовсе отмечается, что Евросоюз может потерять смысл и прекратить свое существование, если радикально

не ускорит экономический рост и не пересмотрит свои амбиции, а сравнение сегодняшних перспектив ЕС с судьбой позднего СССР уже не претендует на оригинальность даже среди западных элит¹⁶.

Выход из любой региональной организации является прежде всего делом политиков, оставляя правовые аспекты дезинтеграции в тени. Однако рано или поздно последние требуют детального правового урегулирования, поскольку очевидно, что выход государства из международного договора неминуемо рождает серьезные правовые последствия как в его отношениях с другими государствами, так и внутри самого государства.

Отвечая в 2015 г. на вопрос в Палате лордов о сложностях тогда еще предстоящего выхода Соединенного Королевства из Евросоюза, бывший британский судья Суда ЕС Дэвид Эдвард ответил, что «долгосрочный кошмар правовых осложнений почти невозможно вообразить»¹⁷. Если последующие годы вполне подтвердили его прогноз, то невероятные усилия армий юристов с обеих сторон позволили частично распутать этот клубок из десятков тысяч правовых норм с целью максимально контролируемого демонтажа старого правопорядка Евросоюза и перехода отношений на новые международно-правовые координаты. Вот почему правовая модель выхода Великобритании из ЕС представляет несомненный интерес в контексте исследования дезинтеграционных процессов. Проблематика Брекзита уже привлекала к себе внимание отечественной правовой науки в плане регулирования интеграционных процессов внутри Евросоюза¹⁸. Настоящая статья преследует своей целью проанализировать правовые аспекты дезинтеграции с несколько иного ракурса.

¹⁴ Pour Macron, France aurait probablement voté pour une sortie de l'UE en cas de vote sur le "FREXIT". BFM.TV. 22 janvier 2018. URL: https://www.bfmtv.com/politique/elysee/pour-macron-la-france-aerait-probablement-vote-pour-une-sortie-de-l-ue-en-cas-de-vote-sur-le-frexit_AN-201801220023.html (accessed date: 10.11.2024); Could 'Nexit' be the next Brexit? Brussels Times. 31 March 2021. URL: <https://www.brusselstimes.com/162966/could-nexit-be-the-next-brexit> (accessed date: 10.11.2024); [Trosiak 2020:215-226].

¹⁵ Europe's 'Reason for Being' Is at Risk as Competitiveness Wanes, Report Warns. The New York Times. 9 September 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/09/09/business/europe-economy-competitiveness.html> (accessed date: 10.11.2024).

¹⁶ Soros G. The EU looks like the Soviet Union in 1991 – on the verge of collapse. The Guardian. 12 February 2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/feb/12/eu-soviet-union-european-elections-george-soros> (accessed date: 10.11.2024).

¹⁷ The process of withdrawing from the European Union. House of Lords. European Union Committee. 11th Report of Session 2015–2016. HL Paper 138. § 50. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldecom/138/138.pdf> (accessed date: 10.11.2024).

¹⁸ Галушко Д.В. *Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита*: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2023. 545 с.

«Мы должны действовать так, чтобы не допустить черных дыр в нашем законодательстве», – убеждал британский министр Дэвид Дэвис Палату общин в продолжение референдума от 23 июня 2016 г., давшего Соединенному Королевству «ясный, всеобъемлющий и бесспорный» мандат на выход из Евросоюза. Министр призвал рассмотреть изменения в законах, чтобы отразить исход переговоров с Евросоюзом и выход из него «с учетом международных договоров и соглашений с другими странами и с ЕС». «Правительство построит глобальную Британию, которая будет торговать по всему миру, заключать новые союзы с другими странами и обеспечивать процветание своему народу», – заключил министр¹⁹.

Приведенные цитаты хорошо проявляют вызовы, с которыми страна может сталкиваться при выходе из региональных интеграционных процессов как в плане его международно-правового оформления, так и в плане адаптации своего внутреннего права для новой жизни вне интеграционного блока. Ниже будут поочередно рассмотрены оба указанных аспекта.

4. Выход Великобритании из ЕС: международно-правовой аспект

Поскольку национальный референдум по Брекситу не имел прямой юридической силы, правительству потребовалось дополнительное вмешательство парламента для того, чтобы действовать ст. 50 Договора о Европейском Союзе [Богдановская 2021:242-243]. Точку во внутреннем конституционном споре поставил

Верховный суд, постановив большинством в восемь голосов против трех, что парламентское одобрение инициирования выхода страны из ЕС продиктовано британской конституционной процедурой²⁰. После принятия соответствующего акта Парламента (EU Notification of Withdrawal Act)²¹ Правительство направило 29 марта 2017 г. Председателю Европейского совета уведомление о выходе из ЕС, тем самым запустив обратный отсчет двухлетнего срока, предусмотренного ст. 50 Договора. Однако, будучи не в состоянии прийти к соглашению о выходе к 29 марта 2019 г., ЕС трижды продлевал срок по просьбе Соединенного Королевства, в последний раз до 31 января 2020 г.

Несмотря на интенсивные переговоры и продления срока, сторонам не удалось согласовать весь комплекс вопросов для упорядоченного выхода до 31 января 2020 г. В этом не было большой неожиданности, поскольку еще до начала процедуры высказывались предположения, что понадобится не одно, а два соглашения, которые будут согласовываться параллельно, но заключаться по очереди²². 24 января 2020 г. стороны заключили Соглашение о выходе Соединенного Королевства из ЕС (UK-EU Withdrawal Agreement)²³, в котором разрешались наиболее срочные задачи для формального выхода Соединенного Королевства из Евросоюза к 31 января 2020 г. В результате страна вышла из всех органов Евросоюза в указанную дату, но Соглашение о выходе предусматривало переходный период до 31 декабря 2020 г., в течение которого право ЕС еще продолжало действовать в отношении Соединенного Королевства, включая юрисдикцию

¹⁹ UK Parliament. Hansard. Commons Chamber. Next Steps in Leaving the European Union. Volume 615: debated on Monday 10 October 2016. <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-10-10/debates/6CE5F6BB-3AA4-4332-BF7A-577DB35BDB77/NextStepsInLeavingTheEuropeanUnion> (accessed date: 10.11.2024).

²⁰ *R (Miller) v. Secretary of State for Exiting the European Union*. Judgment of 21 January 2017. 2017. § 82. Большинство Верховного суда не согласилось с тем, что «серьезные изменения в конституционном порядке Великобритании могут быть достигнуты только действиями министров; оно должно быть осуществлено единственным способом, который признает конституция Великобритании, а именно путем акта парламента». Решение Верховного Суда вызвало немало дискуссий в доктрине, в частности, по вопросу неопределенности условий, при которых денонсация договора требует одобрения парламентом (создание договором прав и обязательств во внутреннем праве, конституционная важность закона ратификации и инкорпорации договора, иные обстоятельства) [Young 2018:434].

²¹ European Union (Notification of Withdrawal) Act. 16 March 2017. [legislation.gov.uk URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/9/introduction/enacted](https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/9/introduction/enacted) (accessed date: 10.11.2024).

²² The process of withdrawing from the European Union. Op. cit. § 31.

²³ Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. Official Journal of the European Union. 2019/C 384 I/02. Vol. 62. 12 November 2019. P. 1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2019:384I:FULL> (accessed date: 10.11.2024).

Суда ЕС. Соглашение уделяло особое внимание сохранению правовой определенности и прав миллионов граждан стран Евросоюза, осевших в Соединенном Королевстве, и британцев, живущих в странах ЕС. Отдельный протокол был посвящен ирландской проблеме в силу того, что две тесно связанные культурными и экономическими узами части острова оказывались теперь по разные стороны внешней границы ЕС²⁴. Статья 184 предусматривала, что стороны приложат все усилия для того, чтобы добросовестно и при полном уважении своих правопорядков предпринять необходимые шаги для скорейшего заключения соглашений, регулирующих их будущие отношения на основе Политической декларации от 17 октября 2019 г.²⁵

Учитывая, что времени до окончания переходного периода оставалось немного, переговоры по второму соглашению о будущих отношениях Великобритании с ЕС возобновились без малейшего промедления. Эта последняя фаза стала одновременно самой сложной, но самой продуктивной в долгом переговорном процессе. Всего же за четыре года произошло столько внутренних и международных событий, что только для их перечисления потребовалась толстая брошюра [Walker 2021:6-85]. Временами многолетний процесс приобретал оттенок остросюжетного детектива с властной игрой политических элит, поднятием ставок, громкими заявлениями, отставками правительств,

изнурительными марафонами переговоров, и все это на фоне хронического цейтнота и высоких рисков провала. Особую интригу истории добавляла долгая игра на альтернативах «мягкого» выхода с заключением договора и «жесткого» выхода без заключения договора (так называемый *no-deal exit*), причем шансы на тот или другой исход были вполне сопоставимы. Только формальный процесс выхода после запуска процедуры в марте 2017 г. занял четыре года вместо положенных двух, и столько же времени заняли предшествующие события начиная с момента, когда идея референдума была официально озвучена Правительством в январе 2013 г.²⁶

Тем большим облегчением для всех сторон стало заключение под занавес уходящего 2020 г. Соглашения ЕС и Великобритании о торговле и сотрудничестве (EU-UK Trade and Cooperation Agreement), содержавшего в основном тексте почти тысячу страниц плюс еще полторы тысячи страниц различных приложений²⁷. Чтобы успеть к сроку, Соглашение было подписано ЕС и Великобританией в разгар рождественских каникул, 30 декабря 2020 г., что уже само по себе подчеркивает экстраординарность стоявших задач. 31 декабря 2020 г. в 23 ч. по местному времени для Великобритании завершился переходный период ее выхода из Евросоюза: в этот момент страна окончательно покинула общий рынок и таможенный союз, и в ее отношении формально прекратило действовать право ЕС. Соглашение

²⁴ Согласно протоколу, Северная Ирландия является частью таможенной территории Соединенного Королевства (ст. 4), при этом между ней и Ирландией не устанавливается таможенная граница как на всех других внешних границах Евросоюза (ст. 5–10). По истечении начального четырехлетнего срока действия протокола он может быть продлен еще на четыре года или на восемь лет после голосования в Ассамблее Северной Ирландии. Правительство обязано запросить такое голосование, а срок продления зависит от присутствия в большинстве достаточного количества голосов как от «юнионистов», так и от «националистов» (ст. 18). Комментаторы называли применяемый к Северной Ирландии таможенный режим «прагматическим» и «гибридным» и указали на массу правовых коллизий, которые могут возникать вследствие конкурентного действия правил Соединенного Королевства и Евросоюза. [The UK-EU Withdrawal Agreement... 2021:418-423].

²⁵ Political declaration setting out the framework for the future relationship between the European Union and the United Kingdom. – 2019/C 384 I/02. Vol. 62. 12 November 2019. P. 178. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2019:384I:FULL> (accessed date: 10.11.2024). Это была уже вторая политическая декларация сторон в процессе переговоров. Первый текст с идентичным заголовком был принят 25 ноября 2018 г. См.: URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/759021/25_November_Political_Declaration_setting_out_the_framework_for_the_future_relationship_between_the_European_Union_and_the_United_Kingdom_.pdf (accessed date: 10.11.2024).

²⁶ Ibid. P. 4-5.

²⁷ Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part. – *Official Journal of the European Union*. L 149. Vol. 64. 30 April 2021. P. 10. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-trade-and-cooperation-agreement_en (accessed date: 10.11.2024). Параллельно с данным соглашением были заключены еще два соглашения о безопасных процедурах обмена и защиты секретной информации (Ibid. P. 2540) и о безопасном и мирном использовании атомной энергии (Official Journal of the European Union. L 150. Vol. 64. 30 April 2021. P. 1).

начало применяться на временной основе с 1 января 2021 г., а 1 мая того же года вступило в силу уже окончательно после его одобрения Европарламентом, в то время как Парламент Великобритании одобрил его уже 30 декабря 2020 г.

По существу, Соглашение устанавливает, во-первых, зону свободной торговли товарами и услугами без тарифов и квот на основе нового для ЕС принципа «равных условий игры» (level playing field). Во-вторых, устанавливается экономическое и социальное партнерство в таких областях, как авиационный и автомобильный транспорт, энергетика, рыболовство, сотрудничество в области исследований и инноваций. В-третьих, текст регулирует сотрудничество в правоохранной сфере и в вопросах безопасности, включая борьбу с терроризмом и преступностью и взаимную правовую помощь в уголовных делах. Эта часть сделки фундаментально завязана на соблюдение основных прав человека и на защиту данных. И наконец, в-четвертых, предусмотрены механизмы реализации самого соглашения, включая политический диалог и консультации, разрешение споров, исполнение во внутреннем правопорядке и средства правовой защиты или санкции, в том числе односторонние, когда это окажется необходимым.

Главными достижениями Соглашения со стороны Евросоюза считались сохранение внутриирландского мира и стабильности, защита граждан и единого рынка и построение нового партнерства с Соединенным Королевством. Среди неудач отмечались отказ британского правительства от соглашения по внешней политике, обороне и развитию, его неготовность к более широкой свободе передвижения граждан через границы и неучастие в программе обмена студентами «Эрасмус»²⁸. В политическом плане расхождения в подходах с двух сторон вполне объяснимы. В областях, где Великобритания традиционно

была «экспортером норм», например, в области борьбы с терроризмом, полицейского взаимодействия или кибербезопасности, она продемонстрировала большую близость к ЕС. Напротив, в сфере иммиграции, контроля границ и политики убежища углубляется размежевание из-за фундаментальных различий в подходах, которые и раньше отталкивали Великобританию от присоединения к соответствующим форматам в рамках ЕС [Wolf, Piquet, Carrapico 2022:606]. Твердая позиция Британии в этом вопросе всецело сохранится и в будущем, несмотря на стремление нового лейбористского правительства 2024 г. достичь так называемой перезагрузки отношений с ЕС (EU reset). Торг лейбористов с целью получения больших экономических преференций от Евросоюза натолкнулся на их полное нежелание идти навстречу Брюсселю по предлагаемой тем программе мобильности молодежи (youth mobility scheme)²⁹.

Нельзя было не отметить и некоторый диссонанс в политическом дискурсе. Согласно давно утвержденной официальной позиции ЕС по поводу выхода Соединенного Королевства, «Евросоюз сожалеет об этом решении, но уважает его»³⁰. В момент окончательного расставания в конце 2020 г. звучали разные ноты. С одной стороны, руководство ЕС не стеснялось пафосных эпитетов, говоря о Соединенном Королевстве, как о «заслуживающим доверия партнере», «давнем друге», с которым ЕС продолжит «стоять плечом к плечу», а британское правительство вторило ему, что останется «другом и союзником», «привязанным к Европе культурно, эмоционально, исторически, стратегически и геологически». С другой стороны, последнее не сдерживало подлинной радости от «возвращения контроля над своей судьбой», «подлинной независимости» и, в частности, «полного контроля над прибрежными водами»,³¹ а ЕС иронизировал о «сладкой

²⁸ Remarks by Chief Negotiator Michel Barnier at the press conference on the outcome of the EU-UK negotiations. European Commission. 24 December 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_2533 (accessed date: 10.11.2024).

²⁹ Keir Starmer rules out post-Brexit youth mobility scheme with EU amid ongoing 'reset' with Brussels. The Independent. 24 October 2024. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/starmer-brexit-eu-brussels-b2635110.html> (accessed date: 10.11.2024).

³⁰ Questions and Answers on the United Kingdom's withdrawal from the European Union on 31 January 2020. – European Commission. 24 January 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_104 (accessed date: 10.11.2024).

³¹ Prime Minister's statement on EU negotiations: 24 December 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-statement-on-eu-negotiations-24-december-2020> (accessed date: 10.11.2024).

горечи расставания», неизбежно констатируя, что «соглашение не остановит разрыв»³².

Без претензий на исчерпывающий анализ уроки Брексита в международно-правовом измерении могут быть подытожены следующим образом.

Во-первых, как исследователи, так и практики склоняются к тому, что в соответствии с международным правом процедура, предусмотренная в ст. 50 Договора о ЕС, являлась единственно возможным правовым основанием выхода Соединенного Королевства из Евросоюза³³. Этот подход вполне соответствует Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и общепринятому принципу права *lex specialis derogat lex generalis*.

Во-вторых, предусмотренная ст. 50 процедура склоняет выходящее из ЕС государство к упорядоченному и согласованному переходу на альтернативный режим международно-правового регулирования отношений, но не препятствует жесткому варианту денонсации Договора без всякого соглашения по условиям выхода и альтернативным моделям регулирования дальнейших отношений (так называемый выход без сделки, *no-deal exit*). Выход Соединенного Королевства из ЕС получился хотя и долгим, но «мягким», к удовлетворению обеих сторон, поскольку включал не только соглашение о выходе, предусмотренное ст. 50, но и далекоидущее соглашение о будущих отношениях. Однако и «жесткий» выход без соглашения, который тоже не исключался обеими сторонами, не противоречил бы ни международному праву, ни праву ЕС [Barata 2020:167; Dougan 2021:46-47]. Интересен и третий возможный вариант, допущенный Судом ЕС в деле *Wightman*³⁴, который предполагал «недвусмысленный и безусловный» отзыв уведомления о денонсации с последующим сохранением членства

(*revoke and remain*), хотя исследователи и расходились во мнениях по вопросу о практических и юридических возможностях его реализации [Dougan 2021:45-46]. Таким образом, любое из оставшихся 27 государств – членов ЕС остается вправе денонсировать Договор о ЕС с соблюдением сроков и без дополнительных условий. В этом вопросе право ЕС не ограничивает суверенного права государства на денонсацию договора, что вполне созвучно общему международному праву. Не являясь условием денонсации, заключение соглашений о выходе и о торговле и сотрудничестве стало в случае с Брекситом существенным «бонусом», обусловленным благоприятной политической ситуацией на данном историческом этапе. Этот момент необходимо учитывать при оценке возможных альтернативных правовых форм выхода других государств из ЕС.

В-третьих, важнейшим результатом упорядоченного выхода стало сохранение зоны свободной торговли на новых конкурентных условиях и приобретенных прав миллионов британских граждан и граждан стран ЕС, осевших на момент выхода в «чужой» юрисдикции. Хотя новый режим отношений далек от былой интеграции, сторонам пока удалось сохранить значительно более высокий уровень отношений и взаимодействия, чем с любой третьей для ЕС страной. Последствия «жесткого» выхода оказались бы куда более brutальными, включая как введение тарифов и квот в торговле, так и серьезный удар по приобретенным правам. Нарушение принципа приобретенных прав (как, например, приобретенное право на постоянное проживание в той или иной стране [Waibel 2018:442-444]) вызвало бы, кроме всего прочего, серьезные вопросы на основании обычного международного права, которое применимо к любому государству вне зависимости от права ЕС³⁵.

³² Remarks by President Ursula von der Leyen at the press conference on the outcome of the EU-UK negotiations. – *European Commission*. 24 December 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_2534 (accessed date: 10.11.2024).

³³ The process of withdrawing from the European Union. Op. cit. § 9.

³⁴ *Wightman A., Greer R., Smith A., Martin D., Stihler Ca., Maugham J., Cherry J. v. Secretary of State for Exiting the European Union*. Case C-621/18. Judgment, Preliminary Ruling Request. – *Court of Justice of the European Union (Full Court)*. 10 December 2018.

³⁵ «Уважение приобретенных прав... является правовой доктриной, которую можно считать уже в значительной степени достигшей признания как общий принцип права». [McNair 1957:16-17]. Еще до появления ст. 70 Венской конвенции о праве договоров 1969 г. Макнэйр объяснял доктрину соблюдения приобретенных прав при денонсации договора следующим образом: «Поскольку положения договора уже были выполнены и возымели действие до его прекращения, они выходят за сферу, охватываемую прекращением договора. Что-то уже свершилось; например, уступлена территория, переданы лица или движимое имущество, и во многих случаях созданы новые права и статусы, которые, хотя и обязаны своим возникновением договору, приобрели независимое от него существование; прекращение договора не может их затрагивать». [McNair 1961:531].

В-четвертых, Соглашением о торговле и сотрудничестве формально фиксируется «постоянная приверженность Соединенного Королевства соблюдению Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (далее – ЕКПЧ), в то время как Евросоюз и его государства-члены остаются связанными Хартией основных прав ЕС, которая утверждает, в числе прочих, идентичные или сопоставимые права и свободы. Данный принцип, зафиксированный уже в политических декларациях 2018 и 2019 гг. (п. 7 в обоих текстах), был далее подтвержден в ст. 524 Соглашения, которая ставит все сотрудничество в правоохранной сфере и взаимопомощь по уголовным делам в зависимость от соблюдения ЕКПЧ (часть III Соглашения). Более того, ст. 692 предусматривает прекращение действия данной части Соглашения в случае денонсации ЕКПЧ Соединенным Королевством или государством – членом ЕС. Из этого можно сделать вывод, что ЕКПЧ рассматривалась сторонами как часть правового фундамента для построения дальнейших отношений с вышедшим из блока государством и прекращения действия в его отношении Хартии основных прав. Учитывая, что Конвенция уже использовалась в подобном качестве в Белфастском соглашении от 1998 г. («Соглашение Страстной пятницы») с целью урегулирования конституционных аспектов североирландского конфликта (см. ч. 1, п. 5 (b) и далее)³⁶, ее общее политико-правовое значение в рамках Брекзита является тем более весомым. Таким образом, если Великобритания все же перейдет от регулярных угроз денонсации ЕКПЧ к делу,³⁷ что никак не исключено, это неминуемо отразится на большом комплексе правовых и политических вопросов как во внутренней повестке, так и в их отношениях с Евросоюзом.

В-пятых, основой для альтернативного регулирования в некоторых важнейших областях отношений стали и другие конвенции Совета Европы, а именно Европейская конвенция о выдаче 1957 г., Европейская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам 1959 г. и два

протокола к ней 1979 и 2001 гг., а также Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г. Соединенное Королевство и раньше участвовало в этих конвенциях, но по многим затронутым в них вопросам в рамках ЕС могли действовать специальные нормы. После прекращения действия права ЕС в отношении Соединенного Королевства 1 января 2021 г. совершен переход на базовый правовой режим конвенций Совета Европы, который действовал до создания особых правил внутри Евросоюза. Идея перехода со специального на базовый режим регулирования, основанный на региональных конвенциях, является прагматичным решением во избежание правового вакуума и сохранения регионального сотрудничества по важнейшим правоохранным вопросам.

И, наконец, последнее заключение касается возможности денонсации самих соглашений, заключенных в рамках Брекзита. Если Соглашение о партнерстве и сотрудничестве предполагает одностороннюю денонсацию с прекращением обязательств спустя 12 месяцев (ст. 779), то с Соглашением о выходе все гораздо сложнее, поскольку оно не содержит положения о денонсации. Соответственно, к одностороннему выходу из него должен применяться общий международно-правовой режим денонсации договоров. Между тем, в отличие от Соединенного Королевства, Евросоюз не является стороной ни Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., ни Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. Кроме того, последняя и вовсе пока не вступила в силу. Таким образом, ссылка на обе конвенции может быть применима для денонсации соглашения о выходе лишь постольку, поскольку они кодифицируют обычное международное право. Самый острый момент в Соглашении о выходе, который обсуждался как основание для его возможной денонсации, касается особого режима, применяемого в отношении Северной Ирландии и рассматриваемого

³⁶ The Northern Ireland Peace Agreement. The Agreement reached in the multi-party negotiations. 10 April 1998. https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IE%20GB_980410_Northern%20Ireland%20Agreement.pdf (accessed date: 10.11.2024).

³⁷ Сунак заявил о возможном выходе Британии из ЕСПЧ – *Известия*. 6 августа 2022. URL: <https://iz.ru/1375730/2022-08-06/sunak-zaiavil-o-vozmozhnom-vykhode-britanii-iz-espch> (дата обращения: 10.11.2024); UK will end up like Russia if it ignores ECHR obligations. – *The Guardian*. 16 May 2023. URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2023/may/16/michael-gove-labour-voting-eu-national-conservatism-conference-rishi-sunak-conservatives-uk-politics-latest?page=with:block-6463ae1c8f08053fbe09279e#block-6463ae1c8f08053fbe09279e> (accessed date: 10.11.2024).

как временная мера (ст. 1 п. 4 Протокола). Обсуждение этого вопроса в доктрине и среди практиков было отмечено большим разбросом позиций относительно принципиальной допустимости денонсации Соглашения о выходе и ее возможными основаниями³⁸. Таким образом, вопрос о денонсации части достигнутых в рамках Брекзита договоренностей остается серьезной международно-правовой интригой на среднесрочную перспективу, а некоторые из договоренностей вообще представляются скорее отложенной партией, нежели устойчивым разрешением очевидных противоречий между бывшими партнерами по интеграционному блоку. Показательно, что критика соблюдения Великобританией своих обязательств по соглашениям с ЕС не заставила себя ждать [Grehan 2022:24-29]. Вероятный же подрыв части достигнутых соглашений в случае выхода Великобритании из ЕКПЧ и Совета Европы может и вовсе разбалансировать и без того хрупкую ситуацию [Cowell 2021:1].

5. Урегулирование последствий выхода из ЕС в британском праве

Закон о выходе из Европейского союза (EU Withdrawal Act), также известный как «Закон о великой отмене» (Great Repeal Act), вступивший в силу с высокого королевского согласия 26 июня 2018 г.³⁹, стал самым масштабным конституционным законом в стране со времен закона о присоединении к ЕС 1972 г. Характерно, что закон был приспособлен как к «мягкому», так и к «жесткому» выходу, поскольку был принят за полтора года до вступления в силу Соглашения о выходе Соединенного Королевства из ЕС и за два с половиной года до его окончательного выхода из интеграционного блока. Законопроект соответствовал гигантским масштабам задачи, сочетая конституционные изменения с мерами по обеспечению правовой преемственности.

Закон о выходе отменил Закон о присоединении 1972 г. с рядом исключений, перечисленных в ст. 1, лишил компетенции все институты

Евросоюза в отношении Соединенного Королевства и предусмотрел, что с момента выхода законодательство ЕС больше не имело верховенства над внутренним законодательством. В плане преемственности Закон преобразовал законы ЕС прямого действия в национальные законы (ст. 2), без чего в законодательной базе образовались бы огромные и недопустимые пробелы.

Закон создал новую категорию внутреннего законодательства Соединенного Королевства, так называемое сохраненное право ЕС (retained EU law). Сохраненное право ЕС состоит из всего права ЕС прямого действия (direct EU legislation), преобразованного в национальное, а также из основанных на праве ЕС внутренних законов (EU-derived domestic legislation), которые действовали до момента выхода страны из ЕС. При этом определенные блоки законодательства ЕС, как, например, Хартия основных прав, недвусмысленно и безотлагательно исключены из внутреннего права и не могут в нем сохраняться (ст. 5).

Сохраненное законодательство ЕС может впоследствии быть изменено, заменено или отменено Парламентом Великобритании, который продолжит принимать законы для дальнейшей реализации Соглашения о выходе из ЕС. Более того, Закон наделяет Правительство весьма широкими делегированными полномочиями быстрого регулирования различных аспектов Соглашения о выходе путем принятия актов вторичного законодательства, изменений сохраненного законодательства ЕС и при определенных условиях даже изменений первичного законодательства. Исполнительная власть может принимать нормативные акты, которые «считает целесообразными», чтобы предотвратить, исправить или смягчить любые проблемы функционирования «сохраненного права ЕС» или исправить в нем «любые другие недостатки (ст. 8).

В итоге Закон о выходе из ЕС можно квалифицировать как механизм для преобразования огромного массива законов, унаследованных от Евросоюза в новый независимый от последнего свод национальных законов. Закон

³⁸ Некоторые авторы допускали, что действия ЕС по неограниченному продлению согласованного временного особого режима для Северной Ирландии (так называемый *backstop for Northern Ireland*) даст Соединенному Королевству право денонсировать договор в одностороннем порядке либо на основании коренного изменения обстоятельств, либо на основании фундаментального нарушения обязательства добросовестного исполнения договора со стороны ЕС (*mutatis mutandis*, ст. 60 и 62 Венской конвенции). Однако другие авторы категорически отрицали такую возможность с точки зрения международного права [Miller, De Mars 2019:5-24].

³⁹ European Union (Withdrawal) Act. 26 June 2018. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/16/contents> (accessed date: 10.11.2024).

не предвосхищает результат этой самой масштабной за полвека конституционной реформы в Великобритании, но предоставляет всем властям мощный и разветвленный инструментарий для реализации таких реформ на годы вперед. Объем нормативной деятельности, которая потребуется на этом пути, представляет собой нормотворческую задачу беспрецедентного масштаба. Речь идет о порядка 12 тыс. нормативных актов ЕС, которые потребуют адаптации, чтобы гарантировать их гармоничную интеграцию во внутреннее законодательство [Caird, Miler, Lang 2017:6]. Очевидно, однако, что еще до их адаптации, многие акты ЕС будут применяться на практике по-иному британскими судами, которые неизбежно сталкиваются с массой новых вопросов. Таким образом, на плечи судов ложится большая часть бремени по преодолению последствий демонтажа старого правового порядка ЕС и нахождению новых форм и моделей регулирования правоотношений в новых конституционных параметрах.

Узаконив массивный блок «сохраненного права ЕС» в составе внутреннего права, Закон о выходе из ЕС посвятил целую статью вопросам его толкования (Section 6: Interpretation of retained EU law), статью настолько сложную и подробную, что она уже сама по себе заслуживает особого практического руководства по ее применению (practice directions). В ней проводится четкое различие между, с одной стороны, принципами, заложенными в решениях Суда ЕС, и самими его решениями, которые вынесены после 30 января 2021 г., и, с другой стороны, сохраненным прецедентным правом ЕС, сложившимся до указанной даты. Если новыми решениями и принципами Евросоюза британские суды больше не связаны (п. 1 ст. 6), то сохраненное прецедентное право ЕС, сложившееся до указанной даты, может применяться судами в соответствии с установленными в ст. 6 детальными критериями. Весьма интересным из них является принцип возможного отступления от сохраненного права ЕС, изложенный в п. 5: «Принимая решение об отступлении от какого-либо сохранившегося прецедентного права ЕС, Верховный Суд или Высокий суд справедливости должны применять тот же критерий, который он применили бы при принятии решения о том, стоит ли отступать от своего собственного прецедентного права». Кроме того, уточняется, что суды «могут учитывать любые действия, совершенные после

30 января 2021 г. Судом или другим органом ЕС, если это имеет отношение к какому-либо рассматриваемому ими вопросу» (п. 2).

Таким образом, была законодательно закреплена роль двух высших судов (Верховного суда для Англии, Уэльса и Северной Ирландии и Высокого суда справедливости для Шотландии) в процессе поступательной коррекции или демонтажа правового порядка ЕС. Правительство и парламент направляют процесс нормативно, а высшие суды параллельно участвуют в нем через судебную практику, не дожидаясь полной нормативной перестройки. Такой порядок представлялся с самого начала вполне логичным, а вскоре после выхода потенциал судебного участия в процессе был усилен: круг судов, которые уполномочивались законом отступать от прецедентного права Суда ЕС, был расширен до апелляционных судов. Действуя в рамках делегированных полномочий, Правительство сочло, что «критерии отступления» от существующих судебных прецедентов достаточно ясны и укоренены в судебной практике, чтобы применять их без дополнительного руководства.

Между тем пути осуществления судами этих полномочий очень быстро вызвали вопросы. Дело в том, что «критерии отступления» от судебных прецедентов, как они сложились в британской судебной практике с 60-х годов XX в., весьма и весьма ограниченные. Отход от прецедента не может быть обоснован только лишь тем, что предыдущее решение было неверным. Пересмотр имеющей прецедентное значение правовой позиции допустим только тогда, когда она привела к большой неопределенности или не соответствует более широкому пониманию справедливости, современным социальным условиям или современным представлениям о публичной политике. При этом совокупность прецедентного права Суда ЕС, которое подвергается критике в Великобритании, гораздо больше, чем то, что можно исправить в судебном порядке с применением столь жестких критериев [Rose 2022:2, 6].

Так, бывший председатель Верховного суда, судья Дэвид Нойбергер, сомневается, насколько оправдано применение ограничительных критериев отхода от прецедента, когда исчезают и теряют значение для страны сами принципы единого рынка, на которых зиждется основная масса прецедентов ЕС. Судья Верховного Суда Вивьен Роз, в свою очередь, задается вопросом о том, не являются ли доступные законодательные пути

изменения «сохраненного права ЕС» наилучшим путем также для исправления «плохого» прецедентного права, дабы снять эту ответственность с судов. В качестве примера она приводит недавнее судебное решение, которым британский суд не удовлетворил требование прекратить применение права ЕС в области лицензий на музыкальные произведения [Rose 2022:7-8]. В решении по делу *Warner v TuneIn* апелляционный суд признал, что существующая судебная практика не лишена трудностей и подвергается критике, но это не означает наличие готового лучшего решения. Предложенная одной из сторон отмена действующего регулирования и возврат к его переписыванию создало бы, с точки зрения судей, значительную правовую неопределенность⁴⁰.

Из вышесказанного можно сделать двоякий вывод по поводу жизнеспособности исходящего от Евросоюза правового регулирования и толкования права после выхода из него Соединенного Королевства. Во-первых, законодательство о выходе не только позволяет, но имплицитно даже поощряет использование британскими судами старых моделей толкования во избежание лакун в правовом регулировании и для обеспечения правовой определенности. Отходить от укоренившегося толкования права, исходящего от ЕС, позволено только высшим и апелляционным судам на ограниченных основаниях, продиктованных общественными и государственными императивами и соображениями справедливости. Во-вторых, суды будут тем легче отходить на практике от созданных в рамках ЕС правовых подходов, чем больше будут уверены в существовании готовых и действенных альтернатив. Очевидно, что процесс будет происходить более поступательно и медленно, чем это многим виделось изначально.

6. Региональные дезинтеграционные процессы в сравнительной перспективе

По воспоминаниям главного переговорщика Евросоюза по выходу Соединенного Королевства из ЕС (нынешнего премьер-министра Франции) Мишеля Барнье, первая встреча в верхах до начала переговоров показала, что «Правительство Соединенного Королевства недооценивало

как последствия своего решения выйти из ЕС, так и юридическую сложность выхода» [The UK-EU Withdrawal Agreement... 2021:v]. Построенная договорно-правовая и законодательная база, интенсивная работа всех ветвей власти, включая суды, а также растущий консенсус политических элит по поводу взятого курса смягчили трудности выхода, усугубленные изначально недооценкой масштабов необходимых преобразований британским руководством.

Выработанное таким образом системное регулирование последствий выхода из ЕС – благо обе стороны могли себе позволить потратить на это годы – представляет собой богатейший правовой материал, достойный детального изучения. Опыт Брекзита представляет своего рода энциклопедию решений разнообразных правовых задач, которые встают при выходе государств из интеграционных процессов. Какие-то из выработанных решений слишком специфичны для выхода государства из ЕС, другие же не лишены интереса в сравнительной перспективе и для иных контекстов. Учитывая описанные в начале статьи геополитические изменения в общеевропейском политико-правовом ландшафте, нельзя не заметить и некоторых параллелей между выходом Великобритании из ЕС и выходом двумя годами позже России из Совета Европы (хотя последний, несомненно, заслуживает отдельного детального исследования за рамками настоящей статьи).

С одной стороны, два явления существенно разнятся между собой по их политической и экономической подоплеке, по целеполаганию, по масштабу задействованных политических и правовых механизмов, а также по глубине последствий. Брекзит и Рукзит, как последний окрестили в некоторых кругах по аналогии с первым [Polianskii 2022:1], выглядят как две разнополярные модели ухода из региональной организации. «Мягкое» и максимально упорядоченное размежевание, которое можно сравнить с «цивилизованным разводом», в первом случае, и максимально «жесткий» выход – во втором, поскольку он вылился в скоростное и лишенное элементарных дипломатических приличий решение большинством голосов организации в нарушение предписанной Уставом процедуры

⁴⁰ *TuneIn Inc v Warner Music UK Ltd.* 2021. EWCA Civ 441. 26 March 2021. § 73 et seq.

немедленно прекратить членство России через несколько часов после ее уведомления о выходе⁴¹.

С другой стороны, оба указанных явления ставят и ряд сходных юридических вопросов, относительно судьбы международно-правового и внутренне-правового наследия, оставшегося от долгосрочного участия в региональной организации, необходимости коррекции внутреннего правопорядка вследствие денонсации ее уставных договоров, дальнейшее действие во внутреннем праве правовых позиций региональных судов, а также дальнейшее действие созданных организацией многосторонних конвенций. Интересно, что конвенции Совета Европы, которые продолжили играть роль базового правового режима в отношениях Великобритании с бывшими партнерами по ЕС, остались в силе и для России после ее выхода из Совета Европы⁴² и продолжают применяться по мере возможностей для регулирования таких вопросов, как экстрадиция (Европейская конвенция о выдаче 1957 г.) и взаимная помощь по уголовным делам (Конвенция о взаимной помощи по уголовным делам 1959 г. и два протокола к ней 1979 и 2001 гг.). Исключением из этого правила стала Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г., которой Соглашением о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией отводится важная роль, но для России она, как и ЕКПЧ, свое действие прекратила вследствие их денонсации вместе с Уставом в пакете из 21 договора Совета Европы⁴³, неразрывно связанных с членством в организации.

В политическом плане оба события объединяет и то, что они являются, каждый по-своему, мощнейшими ударами не только по уходящему в прошлое общеевропейскому проекту, но и по будущему «малого» европейского

интеграционного проекта в рамках нынешнего Евросоюза. Объединенные между собой не только общей изначальной стратегической целью достижения большего единства в Европе, но и долгой историей тесного взаимодействия, Совет Европы и ЕС неразрывно переживают текущий кризис европейской интеграции и солидарно несут связанные с ним риски. Вследствие этого, Брекзит и Рукзит сопоставимы по их экзистенциальному значению для уходящей в прошлое европейской политической и правовой архитектуры.

Таким образом, изучение уроков выхода России из Совета Европы, как и уроков выхода Соединенного Королевства из ЕС, также заслуживает внимания в заданной исследовательской перспективе. Скорость и легкомыслие с которыми Совет Европы, не гнушаясь неприкрытыми нарушениями права международных договоров, рвет многочисленные нити, из которых за прошедшую четверть века была сплетена многослойная ткань правового и гуманитарного пространства в Большой Европе [Лобов 2021:3-12], демонстрируют утрату организацией своего подлинного общеевропейского предназначения, определившего ее «второе рождение» и расширение в 90-х годах XX в. Перерождение страсбургской площадки из генератора и хранителя европейского «золотого стандарта» в области права в тотально зависимый от ЕС инструмент идеологической и юридической войны в Европе вряд ли гарантирует ей надежное будущее в меняющемся мире⁴⁴. Фрагментация единого европейского политического и правового поля представляется в этих условиях необратимой. Весьма показательна в этом плане печальная судьба Европейской конвенции по правам человека – фундаментального европейского договора, который положил начало послевоенному объединению континента

⁴¹ Своей скоротечностью и противоправностью событие напомнило решение Совета Лиги Наций от 14 декабря 1939 года, которым СССР вопреки действовавшей в Совете Лиги процедуре был выведен из ее состава в ответ на начало двумя неделями ранее Советско-финской войны. См. текст официального решения: League of Nations. Official Journal. Part II. November-December 1939. p. 506, и реакцию на него СССР: Сообщение ТАСС по поводу исключения СССР из Лиги Наций. – *Правда*. 16 декабря 1939 г.

⁴² На 15 ноября 2024 г. Россия остается участницей 42 конвенций Совета Европы, которые открыты для не являющихся членами организации государств.

⁴³ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».

⁴⁴ «Недружественные России государства ЕС и НАТО, злоупотребляя своим абсолютным большинством в Комитете министров Совета Европы (КМСЕ), продолжают линию на разрушение Совета Европы и общего гуманитарно-правового пространства в Европе. <...> Ход событий становится необратимым». Заявление МИД России о ситуации в Совете Европы. 10 марта 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1803555/ (дата обращения: 10.11.2024).

на основе общих ценностей. Горькое понимание того, что искаженная до неузнаваемости волюнтаристским толкованием Конвенция создавалась «для другой эпохи», подрывает доверие к конституционной матрице, без которой трудно представить подлинное единство континента⁴⁵.

Ставший неизбежным в силу непреодолимых геополитических причин выход России из бывшей общеевропейской организации не отрицает, однако, пользы от приобретенного в ее рамках за четверть века обширного опыта⁴⁶. Этот опыт не должен быть забыт: его следует анализировать и рационально использовать [Зорькин 2022:3]. Даже полное исчезновение европейских региональных организаций не сотрет их правовое наследие в той мере, в какой оно востребовано и продолжает жить в виде правовых институтов, концепций, алгоритмов, воспринятых национальными правовыми системами, «одомашненных» ими настолько, что они стали частью национального права. Во всяком случае, преемственность российской судебной практики и сохранение укоренившихся в ней за четверть

века правовых позиций с выходом из Совета Европы под сомнение не ставилась⁴⁷. Напротив, рациональный опыт уходящих в прошлое международных судов имеет больше шансов сохраниться на более защищенных от текущей международной турбулентности платформах национальных юрисдикций.

Более того, сохранение позитивного наследия региональных организаций имеет и более широкий смысл, так как нельзя исключать, что к нему придется обращаться на более созидательных этапах европейской и мировой истории. Этот вывод не ограничивается европейским контекстом, но может быть экстраполирован и на возможные дезинтеграционные процессы в других частях света. Текущая перестройка международных отношений, катализатором которой стали геополитические события последних лет, требует адаптации международных структур к новым реалиям, что неминуемо отразится на мутациях региональных организаций, выстроенных в предшествующей международной парадигме.

Список литературы

1. Богдановская И.Ю. 2021. Конституционно-правовые последствия брекзита: суверенитет парламента или народа? – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 3. С. 231–253.
2. Галушко Д.В. 2020. Категории «интеграция» и «дезинтеграция» в международном праве: современные

концептуальные подходы. – *Российский журнал правовых исследований*. Т. 7. № 2. С. 71–77.

3. Зорькин В.Д. 2022. Судебная власть перед вызовами времени. Тезисы выступления на X Всероссийском съезде судей. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴⁵ «Мы выйдем из международных структур типа ЕКПЧ, которые были созданы для другой эпохи и коверкаются юридическим активизмом». Такое заявление нового лидера Консервативной партии Кеми Баденок вполне отражает необратимую потерю доверия к бывшему «конституционному инструменту европейского правопорядка», причем не только в Великобритании (Tory party will die if it doesn't plan to leave ECHR, Jenrick to claim. – *The Telegraph*. 29 September 2024. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2024/09/29/tory-party-die-does-not-plan-leave-echr-jenrick/> (accessed date: 10.11.2024)). Из последних ярких примеров, традиционно лояльные к Совету Европы швейцарские власти (парламент и правительство) единодушно отвергли навязанные им постановлением ЕСПЧ надуманные обязательства по климату (Le Conseil fédéral critique l'arrêt de la CEDH condamnant la Suisse pour inaction climatique. – *Radio Television Suisse*. 30 août 2024. URL: <https://www.rts.ch/info/suisse/2024/article/le-conseil-federal-critique-l-arret-de-la-cedh-condamnant-la-suisse-pour-inaction-climatique-28612173.html> (accessed date: 10.11.2024)), а Конституционный суд Польши и вовсе ответил Страсбургу беспрецедентным признанием статьи 6 ЕКПЧ (право на справедливое судебное разбирательство) не соответствующей Конституции (Poland's implementation of the European Convention on Human Rights: Secretary General's Report. – *Council of Europe*. 23 November 2022. URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/full-news/-/asset_publisher/y5xQt7QdunzT/content/id/138068297?_com_liferay_asset_publisher_web_portlet_AssetPublisherPortlet_INSTANCE_y5xQt7QdunzT_languageId=en_GB#p_com_liferay_asset_publisher_web_portlet_AssetPublisherPortlet_INSTANCE_y5xQt7QdunzT (accessed date: 10.11.2024)).

⁴⁶ Мысль о том, что «Совет Европы – это история и позитивного, и отрицательного опыта», рельефно звучала в дискуссии Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации по вопросу о денонсации договоров Совета Европы. Стенограмма заседания 16 февраля 2023 г. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/6024/> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴⁷ Глава Верховного суда не увидел последствий выхода России из-под юрисдикции ЕСПЧ. – *Ведомости*. 11 марта 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/03/11/966076-glava-verhovnogo> (дата обращения: 10.11.2024).

4. *Интеграционные процессы в Европе и Евразии: роль конвенций Совета Европы*. 2017. Москва: Развитие правовых систем. 324 с.
5. Ковлер А.И. 2016. *Европейская интеграция: федералистский проект*. Москва: Статут. 216 с.
6. Лобов М.Б. 2021. Четверть века в общеевропейском правовом поле. – *Журнал конституционного правосудия*. № 3 (81). С. 3-12.
7. Обичкина Е.О. 2020. «Русский вопрос» в европейской политике. – *Международные процессы*. Том 18. № 3 (62). С. 6-22.
8. Энтин М.Л., Биткина Е.С. 2024. Применение механизмов принуждения к соблюдению принципа верховенства права в практике Европейского союза. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 65-78.
9. Barata M. 2020. Brexit and the limits of Article 50 Treaty of the European Union. – *Open Political Science*. Vol. 3. P. 165-174.
10. Cowell F. 2021. *The Brexit deal locks the UK into continued Strasbourg Human Rights Court membership*. *The London School of Economics and Political Science*. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2021/01/17/the-brexit-deal-locks-the-uk-into-continued-strasbourg-human-rights-court-membership/> (дата обращения: 10.11.2024).
11. Coudenhove-Kalergi R. 2019. *Pan-Europa. Liber Veritate*. 174 p.
12. Caird J.S., Miler V., Lang A. 2017. European Union (Withdrawal) Bill. – *House of Commons Library*. Briefing Paper. Number 8079. 111 p.
13. Dougan M. 2021. *The UK's Withdrawal from the EU. A Legal Analysis*. Oxford University Press. 376 p.
14. Grehan D. 2022. Protocoligorically correct. – *Law Society Gazette*. Vol. 116. No. 7. P. 24-29. URL: <https://www.nbcnews.com/storyline/brexit-referendum/if-britain-votes-brexit-will-other-countries-follow-n597536> (дата обращения: 10.11.2024).
15. McNair A. 1957. The General Principles of Law Recognized by Civilised Nations. – *British Year Book of International Law*. Vol. 33. P. 1-19.
16. McNair A. 1961. *The Law of Treaties*. Oxford: Clarendon Press. 789 p.
17. Miller V., De Mars S. 2019. Could the Withdrawal Agreement be terminated under international law? – *House of Commons Library*. Briefing Paper No. 8463. 24 p.
18. Monnet J. 1976. *Mémoires*. Paris: Fayard. 642 p.
19. Onfray M. 2020. *Vies parallèles. De Gaulles et Mitterrand*. Paris: Robert Laffont. 404 p.
20. *Pensées de Blaise Pascal*. 1823. Tome second. Paris: Froment. 383 p.
21. Polianskii M. 2022. The Perils of Ruxit: Russia's Tension-Ridden Dissociation from the European Security Order. – *PRIF blog*: [сайт]. URL: <https://blog.prif.org/2022/10/21/the-perils-of-ruxit-russias-tension-ridden-dissociation-from-the-european-security-order/> (дата обращения: 10.11.2024).
22. Rose V. 2022. *1966 and All That: Changing Our Minds in a Post-Brexit World*. *United Kingdom Association of European Law*. P. 1-9. URL: <https://www.supremecourt.uk/docs/uka-elady-rose-speech-23-May-2022.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
23. Trosiak C. 2020. Conditions for Initiating the Procedure of Poland's Withdrawal from the European Union. – *Rocznik Integracji Europejskiej*. № 14. P. 215-226.
24. *The UK-EU Withdrawal Agreement. A Commentary*. 2021. Ed. By T. Liefänder, M. Kellerbauer, E. Dumitriu-Segnana. Oxford University Press. 543 p.
25. Waibel M. 2018. Brexit and Acquired Rights. – *American Journal of International Law*. Vol. 111. P. 440-444.
26. Walker N. 2021. Brexit timeline: events leading to the UK's exit from the European Union. – *House of Commons Library*. Briefing Paper No. 7960. 85 p.
27. Wolf S., Piquet A., Carrapico H. 2022. UK's withdrawal from Justice and Home Affairs: a historical institutional analysis of policy trajectories. – *Comparative European Politics*. Vol. 20. P. 604-625.
28. Young A.L. 2018. Brexit, Miller and the Regulation of Treaty Withdrawal: One step forward, two steps back? – *American Journal of International Law*. Vol. 111. P. 434-439.

References

1. Barata M. Brexit and the limits of Article 50 Treaty of the European Union. – *Open Political Science*. 2020. Vol. 3. P. 165-174.
2. Bogdanovskaya I.Yu. Konstitutsionno-pravovye posledstviya brekzita: suverenitet parlamenta ili naroda? [Constitutional Law Consequences of Brexit: Sovereignty of Parliament or of People?]. – *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Higher School of Economics Journal]*. 2021. No. 3. P. 231-253. (In Russ.)
3. Caird J.S., Miler V., Lang A. European Union (Withdrawal) Bill. – *House of Commons Library*. 2017. Briefing Paper. Number 8079. 111 p.
4. Coudenhove-Kalergi R. *Pan-Europa. Liber Veritate*. 2019. 174 p.
5. Cowell F. *The Brexit deal locks the UK into continued Strasbourg Human Rights Court membership*. *The London School of Economics and Political Science*. 2021. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2021/01/17/the-brexit-deal-locks-the-uk-into-continued-strasbourg-human-rights-court-membership/> (дата обращения: 10.11.2024).
6. Dougan M. *The UK's Withdrawal from the EU. A Legal Analysis*. Oxford University Press. 2021. 376 p.
7. Entin M.L., Bitkina E.S. Primenenie mekhanizmov prinuzhdeniya k sobludeniyu printsipa verkhovnstva prava v praktike Evropejskogo soyuza [Application of Enforcement Mechanisms for Compliance with the Principle of the Rule of Law in European Union Practice]. – *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. No. 2. P. 65-78. (In Russ.)
8. Galushko D.V. Kategorii «integratsii» i «dezintegratsii» v mezhdunarodnom prave: sovremennye kontseptual'nye podkhody [Categories of «integration» and «desintegration» in international law: modern conceptual approaches]. *Rossiiskij jurnal pravovykh issledovaniy [Russian journal of legal studies]*. 2020. T. 7. № 2 P. 71-77.
9. Grehan D. Protocoligorically correct. – *Law Society Gazette*. 2022. Vol. 116. No. 7. P. 24-29. URL: <https://www.nbcnews.com/storyline/brexit-referendum/if-britain-votes-brexit-will-other-countries-follow-n597536> (дата обращения: 10.11.2024).
10. *Integration Processes in Europe and Eurasia: the Role of Conventions of the Council of Europe*. Moscow: Razvitiye pravovykh system. 2017. 324 p. (In Russ. and Engl.)

11. Kovler A.I. *Evropejskaya integratsiya: federalistskiy projekt* [European integration: a federalist project]. Moscow: Statut. 2016. 216 с.
12. Lobov M.B. Chetvert' veka v obshcheevropejskom pravovom pole [A quarter-century in the common european legal space]. – *Jurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Constitutional Law Journal]. 2021. № 3 (81). P. 3-12. (In Russ.)
13. McNair A. The General Principles of Law Recognized by Civilised Nations. – *British Year Book of International Law*. 1957. Vol. 33. P. 1-19.
14. McNair A. *The Law of Treaties*. Oxford: Clarendon Press. 1961. 789 p.
15. Miller V., De Mars S. Could the Withdrawal Agreement be terminated under international law? – *House of Commons Library*. 2019. Briefing Paper No. 8463. 24 p.
16. Monnet J. *Mémoires*. Paris: Fayard. 1976. 642 p.
17. Obichkina E.O. «Russkij vopros» v evropejskoj politike [«The Russian question» in the european politics]. – *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes]. 2020. T. 18. № 3 (62). P. 6-22. (In Russ.)
18. Onfray M. *Vies parallèles. De Gaulles et Mitterrand*. Paris: Robert Laffont. 2020. 404 p.
19. *Pensées de Blaise Pascal*. Tome second. Paris: Froment. 1823. 383 p.
20. Polianskii M. The Perils of Ruxit: Russia's Tension-Ridden Dissociation from the European Security Order. 2022. – *PRIF blog* : [сайт]. URL: <https://blog.prif.org/2022/10/21/the-perils-of-ruxit-russias-tension-ridden-dissociation-from-the-european-security-order/> (дата обращения: 10.11.2024).
21. Rose V. 1966 and All That: Changing Our Minds in a Post-Brexit World. *United Kingdom Association of European Law*. 2022. P. 1-9. URL: <https://www.supremecourt.uk/docs/ukael-lady-rose-speech-23-May-2022.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).
22. *The UK-EU Withdrawal Agreement. A Commentary*. Ed. By T. Liefländer, M. Kellerbauer, E. Dumitriu-Segnana. Oxford University Press. 2021. 543 p.
23. Trosiak C. Conditions for Initiating the Procedure of Poland's Withdrawal from the European Union. – *Rocznik Integracji Europejskiej*. 2020. № 14. P. 215-226.
24. Waibel M. Brexit and Acquired Rights. – *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 111. P. 440-444.
25. Walker N. Brexit timeline: events leading to the UK's exit from the European Union. – *House of Commons Library*. 2021. Briefing Paper No. 7960. 85 p.
26. Wolf S., Piquet A., Carrapico H. UK's withdrawal from Justice and Home Affairs: a historical institutionalist analysis of policy trajectories. – *Comparative European Politics*. 2022. Vol. 20. P. 604-625.
27. Young A.L. Brexit, Miller and the Regulation of Treaty Withdrawal: One step forward, two steps back? – *American Journal of International Law*. 2018. Vol. 111. P. 434-439.
28. Zorkin V.D. 2022. *Sudebnaya vlast' pered vyzovami vremeni. Tezisy vystupleniya na X vserossijskom s'ezde sudey* [Judicial power in front of the challenges of the time. Speaking points for the X Russian congress of judges]. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (accessed date: 10.11.2024).

Информация об авторе

Михаил Борисович ЛОБОВ,

Судья Конституционного Суда Российской Федерации

Сенатская площадь, д. 1, Санкт-Петербург, 190000, Российская Федерация

m.b.lobov@mail.ru

ORCID: 0009-0006-5380-3028

About the Author

Mikhail B. LOBOV,

Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

1, Senatskaya Sq., Saint Petersburg, Russian Federation, 190000

m.b.lobov@mail.ru

ORCID: 0009-0006-5380-3028